

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

22 ЦСК 1303

На улице Будайской

Это было два года назад. Тогда по венгерскому телевидению в передаче, посвященной культурной жизни страны, выступила известная актриса Хильда Гобби. Она просила телезрителей помочь в создании музея венгерского театрального искусства, просила поработать на его благо.

Собственно, с этого, можно сказать, он и начался. Потому что откликнулись сотни людей. Они несли старые костюмы и фотографии, афиши и лампы, веера и перчатки, рукописи и письма. Они предлагали помочь развесить картины и расставить мебель, вымыть полы, окна и привести в порядок сад. К двухэтажному особняку на Будайской улице, украшенному витыми решетками и балконами, где жила когда-то известнейшая актриса венгерского театра Гизи Байор, шли люди с сумками, мешками, пакетами. Скоро выстроилась длинная очередь. Это была подлинная демонстрация любви, приверженности театру. «Я счастлива, что у венгерского театра столько почитателей. — сказала тогда Хильда Гобби. — Я верила, что человека всегда можно увлечь хорошим делом — надо только к нему обратиться».

И вот музей живет, дом Гизи Байор не пустует, в нем всегда люди, как это было и при ее жизни. В его 15 комнатах «поселились» 300 актеров, режиссеров, и их судьбы — это, по сути дела, и есть самые яркие страницы истории венгерского театра почти за 100 лет.

Здесь «живет» теперь знаменитый Кальман Латабар, со своей доброй и чуть лукавой улыбкой. Он так и не расстался с неизменной белой соломенной шляпой, которая висит на вешалке, а надпись гласит: «И это тоже Латабар».

Вот «уголок» Ханны Хонти, о которой писали: «Как только она выходит на сцену мы становимся свидетелями особого ритуала — еще ничего не произошло, еще зрители не знают, какую роль она будет играть, но уже создается между актрисой и нами какого-то рода сообщество, заговор, соглаше-

ние, природа которых — тайна. Хонти больше чем актриса — это ежедневно выходящая на сцену легенда, это миф».

Много лет возглавлял не один раз гастролировавший в Советском Союзе театр «Виг» Золтан Варкони, в последние годы он был ректором Института театрального и кинематографического искусства. Лежат под стеклом его зажигалка, очки, начатая пачка сигарет, на вешалке висит пиджак, в котором он ходил на репетиции.

Здесь, в этом доме как-то по-особому чувствуешь, какую роль в творчестве венгерских актеров, судьбе венгерского театра сыграли русская драматургия, советский театр. Этому не посвящено отдельного раздела, но влияние их чувствуется в судьбах актеров, в их ролях: в «Дяде Ване» и «Трех сестрах» Чехова, в «Преступлении и наказании» Достоевского, в пьесах современных советских драматургов. Есть подарки, письма, записки в дневниках, которые рассказывают, например, о тех теплых отношениях, которые связывали Кальмана Латабара с Аркадием Райкиным, или о том, что одно из самых сильных впечатлений от зарубежных поездок стали для Ханны Хонти гастроли в Москве и Ленинграде.

Перехожу из комнаты в комнату. Здесь нет музейной тишины — люди взволнованно обмениваются впечатлениями, вспоминают. Здесь нет, пожалуй, и того музейного порядка, который привычен. Потому что брошена на диван сумка, лежат на туалетном столике веер и начатый тюбик помады, висит на вешалке шляпа и пиджак, на письменном столе — раскрытый дневник и нож для разрезания страниц...

Вливается в огромные окна поток солнечного света. С просторного балкона открывается вид на парк, на его лужайки, ухоженные цветники и дорожку, которая ведет от калитки и по которой идут и идут люди.

Г. ГЕРАСИМОВА,
корр. «Советской культуры».
БУДАПЕШТ.